

RU

«Это было раненое сердце...»:
к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова

Демченко А. И.

EN

“It Was a Wounded Heart...”:
200th Anniversary of N. A. Nekrasov’s Birth

Demchenko A. I.

Очерк второй

Венчает творчество Некрасова поэма «**Кому на Руси жить хорошо?**», над которой он работал с перерывами последние полтора десятилетия жизни (1863-1877). Этот итоговый труд вобрал в себя всё главное из художественных устремлений поэта. Незадолго до смерти он сказал: «*Одно, о чём сожалею глубоко, это – что не кончил свою поэму*».

Но и в таком виде она поражает грандиозностью замысла, широтой охвата жизни России, огромной галереей лиц, остротой социально-критического анализа – вот что сделало эту эпопею в определённом роде энциклопедией времени заката помещичьей власти, крестьянской реформы и её последствий, векового терпения и нарастающего протеста народных масс.

В своём последнем творении Некрасов ориентировался на жанровые формы народного предания, притчи, утопии, опирался на традиции былинной, сказочной и песенной поэтики, используя её всевозможные пласты (поверья, поговорки, разговорный крестьянский язык и народное острословие) и добиваясь органичного сочетания фольклорно-сказочного сюжета с реальными образами.

Всё это начинается с зачина, которым открывается поэма и который затем повторяется многократно, как то и подобает структуре русских эпических сказаний.

*Кому живётся весело,
Вольготно на Руси?*

Это вопрошание, заявленное и в заголовке поэмы (к сожалению, принципиально важный авторский знак вопроса проставляется далеко не во всех изданиях), определяет её суть – суть и сюжетную, и смысловую.

Как ни удивительно для привычных представлений Некрасова, его странники-искатели находят одного-двух мужиков, которые считают себя счастливыми. Это солдат, прошедший ад войны и оставшийся живым, и каменотёс, радующийся своей недюжинной силой. Однако такое счастье весьма сомнительно, так что окружающие не очень-то доверяют их рассказам про свою удачливость.

Замыслом автора было развенчать и домысел его героев, согласно которому заведомо хорошо живётся помещику, попу, чиновнику, купцу, вельможе (министру) и царю. О том, что это отнюдь не так, поэт успел растолковать только касательно первых двух.

К примеру, оказывается, что помещик счастливым был лишь до реформы, когда своё назначение он видел «*в том, чтоб имя древнее, // Достоинство дворянское // Поддерживать охотою, // Пирами, всякой роскошью // И жить чужим трудом*». Этот сатирикон сожалений завершается горестным признанием.

*Коптил я небо Божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...*

С подобным ушедшим «счастьем» перекликается занятно поданное повествование «Последыш» из второй части поэмы. Так крестьяне называли князя, чудака-самодура, перед которым по просьбе его наследников они ломали «камень»: будто бы всё осталось по-старому и не было никакой отмены крепостного права.

Подобные «прибаутки» и внешне забавные гримасы жизни только оттеняют главное – обманутую, обобранную реформой 1861 года крестьянскую Русь. В самом начале поэмы, экспонируя в качестве её героев семь мужиков, Некрасов с горькой иронией обозначает их местожительство.

*Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож.*

Позднее, когда они объясняют прохожему цель своих странствий, то целью этой называются невиданные ими дотоле «райские кущи».

*«Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошённой волости,
Избыткова села!..»*

Видят же крестьяне-ходоки всюду одно и то же. Одно и то же – это прежде всего то, на что печально сетует встреченный ими собрат.

*Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!*

Понятно, что названы те, кому приходилось отдавать всё до последней нитки: господин – помещик, царь – государство, Бог – церковь.

Наконец, и самая скорбная для Некрасова тема – та, что раскрывается в повествовании под названием «Крестьянка» (из третьей части поэмы), где рассказывается о судьбе русской женщины, о преследующих её напастях и бедах, о бесконечных тяжких трудах, от которых –

*Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной –
Терплю и не ропщу!*

По словам цензора Н. Лебедева, Некрасов выставил в своей поэме «в самых мрачных красках всевозможные страдания мужика, весь ужас прежнего рабского его положения и весь безграничный произвол помещичьего права... Рисуемые поэтом картины страданий, с одной стороны, и произвола – с другой, превосходят всякую меру терпимости и не могут не возбудить негодования и ненависти».

На волне «негодования и ненависти» рождаются натуры, подобные Грише Добросклонову, который для автора и есть подлинно счастливый человек. Прототипом этого образа был Н. Добролюбов, и смысл существования подобных ему поэт сформулировал так:

*Доля народа –
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего.*

Служение столь высокой цели в России того времени требовало самоотверженности, способности принести себя в жертву общему делу, и Некрасов не скрывает, что ждёт таких подвижников.

*Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чухотку и Сибирь.*

Именно Грише Добросклонову приписывает поэт «песню новую», утверждая, что «горячо сказала правда в ней великая!». А правда эта заключена прежде всего в арке крайних строк – правда о загадочно двойственном складе России.

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,*

Ты и бессильная,
 Матушка-Русь!..
 Русь не шелохнется,
 Русь – как убитая!
 А загорелась в ней
 Искра сокрытая –
 Встали – небужены,
 Вышли – непрошены,
 Жита по зёрнушку
 Горы наношены!
 Рать подымается –
 Неисчислимая!
 Сила в ней скажется
 Несокрушимая!
 Ты и убогая,
 Ты и обильная,
 Ты и забитая,
 Ты и весильная,
 Матушка-Русь!..

В конечном счёте, строй поэмы «Кому на Руси жить хорошо?» проникнут чувством неискоренимой жизненной энергии народа и верой в осуществимость идеалов справедливости и добра. Иначе не появлялись бы в ней страницы, подобные приводимому ниже гимну весеннего обновления.

Хорошо, светло
 В мире Божием!
 Хорошо, легко,
 Ясно на сердце.
 Мы идём, идём –
 Остановимся,
 На леса, луга
 Полюбуюсь.
 Полюбуюсь
 Да послушаем,
 Как шумят-бегут
 Воды вешние.
 Как поёт-звонит
 Жавороночек!

* * *

Та же поляризация образного мира наблюдалась и во всём творчестве Некрасова. С одной стороны, ощущение кромешного мрака существования, что доходило до грани отчаяния. И прежде поэта не раз посещали сомнения в пользе той борьбы словом, которую приходилось вести с такими жертвами. В маленькой поэме «Убогая и нарядная» (1859) после бичующих ямбов вдруг неожиданно следует горестная констатация.

Но умолкни, мой стих!
 И погромче нас были витии,
 Да не сделали пользы пером...
 Дураков не убавим в России,
 А на умных тоску наведём.

Впоследствии его всё больше преследовали вечные сомнения, неуходящая раздвоенность в отношении результатов той освободительной борьбы, которую он вёл своим литературным словом и которую пытались вести делом народовольцы. Вот то, что завершает большое стихотворение «Рыцарь на час», написанное в 1862 году («Суждены вам благие порывы, // Но свершить ничего не дано...»), и то, что открывает созданное годом позже стихотворение «Надрывается сердце...».

Надрывается сердце от муки,
 Плохо верится в силу добра,
 Внемя в мире царящие звуки
 Барабанов, цепей, топора.

То есть констатируется тот факт, что мир насилия по-прежнему торжествует и не видно никаких перемен к лучшему. К середине 1870-х в его поэзии всё чаще звучит нота горечи в связи с тем, что уходило боевое

время «шестидесятичестия»: «Смолкли честные, доблестно павшие, // Смолкли их голоса одинокие...» («Смолкли честные...», 1874).

Для него, все силы отдавшего борьбе с неправым миропорядком, это было настоящей трагедией. Головой он понимает объективную неизбежность происходящего и в стихотворении «Отъезжающему» (1874), адресованном тем, кто вынужден покинуть Россию, трезво рассуждает об этом.

*В море царящего зла
Прямо и смело направь бы лодку –
Сунься-ко!.. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!*

Но подобное понимание не снижало остроты его переживания за тех, на кого обрушивались царские репрессии (стихотворение «Страшный год», 1874).

*Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!*

И как своего рода приговор себе звучит стихотворение «Старость» из цикла «Последние песни» (1877).

*Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцаньи народных страданий
И в сознание бессилья – умри!..*

Итак, к завершению жизненного пути Некрасова приходится признать ощутимое усиление в его творчестве позиций полюса мрака. Но вместе с тем этому противостояло просветление образного строя, особенно заметное в 1860-е годы.

С точки зрения привычной для поэта тематики обращает на себя внимание большое стихотворение «Железная дорога». В самом деле, казалось бы, здесь использованы подлинные факты, относящиеся к строительству ветки, соединившей Петербург и Москву (1843-1851), что осуществлялось при помощи жестоких принудительных мер.

Но, даже рисуя страшные будни этого строительства, в данном случае Некрасов воссоздаёт образ труда как то, на чём стоит всё в человеческом мире. И за бесконечной жертвой, которую несёт русский народ, таится ощущение нескончаемости его сил.

Таков центральный раздел этой маленькой поэмы. И самое примечательное состоит в том, что он заключён в арку света обрамляющих его «прелюдии» и «постлюдии».

Пейзажное вступление несёт в себе упоительное чувство душевной отрады, рождающееся при здоровом и полнокровном восприятии родного ландшафта.

*Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной,
Словно как тающий сахар лежит;*

*Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблёкнут ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.*

*Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –*

*Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...*

В преддверии центрального раздела с его картинами каторжного труда в этой чудесной поэтической зарисовке читается мысль: «нет безобразья в природе!», но сколько ужасного в человеческой жизни. Тем не менее, «постлюдия» исполнена веры в лучшее будущее, хотя вера эта овеяна грустью по поводу его отдалённости.

*Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес эту дорогу железную –
Вынесет всё, что Господь ни пошлёт!*

*Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся ни мне, ни тебе.*

Стоит добавить и то, что всё в «Железной дороге» решено в характере беседы с любознательным подростком, где слово старшего исполнено доброты и задушевной теплоты тона: «Ванечка, знаешь ли ты?.. Ты уж не маленький!.. Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно...».

Той же добротой светится и образ старого декабриста в поэме «Дедушка»:

- «Как младенец глядит, // Как-то апостольски просто, // Ровно всегда говорит...»;
- «Озими пышному всходу, // Каждому цветику рад...»;
- «И улыбнётся так чудно, // Радостью весь расцветёт».

Всё это очень сродни детскому мировосприятию, обращение к которому было для Некрасова желанной отдушиной среди столь привычных для его поэзии страдальческих настроений. Кроме того, в подрастающем поколении он предполагал людей будущего, избавляющихся от нравственных издержек их взрослых современников.

Ракурсы этой тематической линии достаточно многообразны. Для начала можно напомнить стихотворение «Генерал Топтыгин» (1867) – занимательно рассказанный анекдот, название которого в обиходе русской речи стало притчей во языцех.

Эта вещичка вошла в состав цикла «Стихотворения, посвящённые детям», написанного на шуточный лад. Найденную здесь тональность художественного высказывания поддержало большое стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы» (тот же 1870 год, что и «Дедушка»), написанное в мягкой, добродушной манере и с сочным юмором.

Открывала данную линию небольшая поэма «Крестьянские дети» (1861), в которой всё залито солнцем доброты. И даже когда поэт считает нужным показать оборотную сторону деревенской жизни, он выдвигает на передний план скорее забавные, чем драматические элементы. Самоочевидный пример тому – хрестоматийно известная зарисовка, где забавность случая подчёркнута авторским комментарием «Ребёнок был так уморительно мал».

*Однажды, в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
– Здорово, парнище! – «Ступай себе мимо!»
– Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? – «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
– А что, у отца-то большая семья?
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
– Так вон оно что! А как звать тебя? – «Власом».
– А кой тебе годик? – «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» – крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.*

И ещё раз оттолкнёмся от стихотворения «Железная дорога» с открывающей его пейзажной «прелюдией». В чём-то сходную функцию образ природы выполняет в стихотворении «Зелёный Шум» (1862), к которому автор дал такое примечание: «Зелёный Шум – так народ называет пробуждение природы весной». И примечательная особенность: используя безрифменный стих, Некрасов добивается поразительно звонкоголосого звучания.

*Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!*

*Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью*

*Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...*

*Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!*

Но как бы ни была великолепна эта пейзажная картина, она не становится здесь самоценной. Расцветающий мир природы проливает умиротворяющий свет на личную драму (герой замыслил убить изменившую ему жену) и одаряет мудростью христианского всепрощения.

*Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна – в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И – Бог тебе судья!»*

В некотором роде откликом на произнесённую здесь проповедь любви, как безмерно притягательного человеческого чувства, стала небольшая поэма «**Горе старого Наума**» (1874). Это рассказ о хозяйственном мужике, который жил припеваючи бобылём, но как-то, приметив счастье молодой пары, затосковал.

*«Я сладко пил, я сладко ел, –
Он думает уныло. –
А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...*

Завершая рассмотрение образов душевного и духовного просветления, необходимо упомянуть стихотворение, которое в определённом смысле стало поэтическим завещанием Некрасова – «**Сеятелям**» (1876). Словно отринув столь присущий себе социально-критический пафос и поднимаясь над неуёмным кипением страстей человеческих, он призывает: «*Сейте разумное, доброе, вечное...*»

* * *

Отметив подобную «оппозицию» к самому себе, мы, тем не менее, отчётливо сознаём, что магистраль творческих устремлений Некрасова была теснейшим образом связана с критическим реализмом второй половины XIX века, и в поэзии он был его ведущим представителем. Тематически это касалось прежде всего крестьянской России – как дореформенной, так и пореформенной, но ощутимо затронул он и проблематику страны, вставшей после 1861 года на путь ускоренной капитализации.

В этом отношении вершиной у него стала поэма «**Современники**» (1875-1876), где он даёт сатирическую панораму нарождавшегося буржуазного уклада, не уступая М. Салтыкову-Щедрину в разящей силе гротеска и разнообразных форм условности.

То была только одна из граней свойственного его наследию интенсивного раздвижения тематических, жанровых и стилистических горизонтов поэтического творчества, что определило решительную реформу русской стиховой культуры. Это начиналось у Некрасова с самого широкого вовлечения фольклорных мотивов и народного языка – ведь, по его признанию, крестьянин может вставить «*слово меткое, // Какого не придумаешь, // Хоть проглоти перо!*».

Опираясь на фольклорные традиции, он виртуозно развил богатый и сложный ритмический строй стиха, добиваясь его удивительной свободы и живой изменчивости. Один из многочисленных примеров – введённая в поэму «Коробейники» «**Песня убогого странника**» с её жалостливым приговариванием.

*Я лугами иду – ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
Я лесами иду – звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!*

И, конечно же, от народно-песенной практики столь широко влилась в поэтику Некрасова соответствующая интонационная стихия. Об органичности её вовлечения красноречиво говорит тот факт, что отдельные его тексты стали песнями, которые воспринимаются исконно народными.

Одна из них – знаменитая «Коробочка», ритму которой поражаюсь К. Чуковский, отмечавший, что её «бойкий и задорный хорей в сочетании с протяжными дактилями не имеет никаких прецедентов во всей предшествующей русской словесности». Этой песней открывается поэма «**Коробейники**», и стоит напомнить, что таким словом именовали переходных купцов.

*«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завяжу черноокою –
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!..»*

Песенные формы у Некрасова очень разнообразны, как разнообразен у него и сам песенный слог. Приведем для примера зачин стихотворения «**Похороны**» (1861), где он пользуется певучей обиходной лексикой («затерялося», «шлялося»).

*Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.*

Умеет поэт сказать и совсем на народный манер, в том числе предвосхищая частушечный лад, как находим это в тех же «**Коробейниках**».

*Ой, ты зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.*

Касаясь пределов качественного обновления поэтического языка в творчестве Некрасова, находим, что на противоположном песенному слогу полюсе не менее широко представлено уподобление разговорной речи. Вот как выглядит это в диалоге «**Поэт и гражданин**».

Гражданин (входит)
*Опять один, опять суров,
Лежит – и ничего не пишет.*
Поэт
*Прибавь: хандрит и еле дышит –
И будет мой портрет готов.*
Гражданин
*Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нём нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...*
Поэт
Так что же?
Гражданин
Да глядеть обидно.
Поэт
Ну, так уйди.
Гражданин
Послушай, стыдно!..

И позже, после длинной тирады гражданина поэт по-своему урезонирует его: «*Ты кончил?... чуть я не уснул, // Куда нам до таких воззрений!*». Как видим, всё построено на очень свободной и живой разговорной интонации.

Таким образом, всё больше размывались привычные границы между поэтической и прозаической речью. Следовательно, вбирая в себя прозу обыденного существования со всеми его тяготами и заботами, поэзия Некрасова закономерно вбирала в себя «непоэтические» темы и слова, прозаизм деловой речи и просторечие.

Следствием данного процесса оказывалось то, что можно назвать прозой в стихах. У современников, настроенных на привычную лирическую волну, это отнюдь не всегда вызывало одобрение. И, например, чуткий к слову П. Чайковский мог бросить пренебрежительное «*Некрасов с его ползающей по земле поэзией*».

Однако, если преодолеть привычные представления о «поэтическом» и «поэтичности», невозможно не оценить удивительно адекватного соответствия «прозаического» стиха теме и характеру персонажей некрасовского творчества. Один из образцов такого стиля находим в стихотворении «**Забытая деревня**» (1855) с использованной здесь безыскусной, нарочито «простенькой» формой изъяснения.

*У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избёнку леса попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди – не будет!
«Вот приедет барин – барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», – думает старушка...*

«Прозаизмом» творчества Некрасова объясняется исключительная интенсивность распространения повествовательно-сюжетных форм. Стихотворения у него часто оказываются новеллами, а поэмы – повестями. За этой ярко выраженной особенностью его стиля стояла огромная сила воплощения образов реальной жизни.

В данном отношении достаточно привести стихотворение «**В больнице**» (1855): столь характерный некрасовский нерв острого сочувствия человеческому несчастью облечён здесь в форму безупречно построенного стихотворного рассказа – лаконичного (ничего лишнего!) и проникновенного. После начального эпизода, где толкуется о том, что последний долг умирающим обитателям этой богадельни обычно воздают сторожа да дежурные, читаем следующее.

*Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
Помню: с прошибленной в кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора – в остроге его
Буйный товарищ изранил.
Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вздрыгнула вдруг – и ни слова...
В странном молчанье минута прошла:
Смотрят один на другого!
Кончилось тем, что угрюмый злодей,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдруг зарыдал – перед первой своей,
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга они...)
Круто старик изменился:
Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был странен
(Помню я эту печальную ночь):
Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,
Тихо над ним раздавался: «Живи,
Милой, желанной, сердечной!»
Всё, что имела она, продала –
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
А что любовь ей дала, кроме бед,
Кроме печали и муки?
Смолоду – стыд, а на старости лет –
Ужас последней разлуки!..*

В качестве образцов повести в стихах можно назвать обе части поэмы «**Русские женщины**». Вторую из них завершает встреча Волконской с мужем в руднике. Воспринимая подобное, невольно задаёшься вопросом: уместна ли была бы в данном случае какая-либо иная поэтика и разве не достигнута здесь высшая степень сокровенности?

*И вот он увидел, увидел меня!
И руки простёр ко мне: «Маша!»*

*И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слёзы текли,
Простёртые руки дрожали...
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моём,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени – и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..*

* * *

Николай Алексеевич Некрасов, кардинальным образом преобразовавший язык русской поэзии – одна из ключевых фигур литературного процесса второй половины XIX века. Когда он умирал, ему принесли письмо из далёкой сибирской ссылки, в котором Н. Чернышевский просил друзей: «Если Некрасов жив ещё, передайте ему, что я убеждён, слава его будет бессмертна, вечна будет любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из русских поэтов».

В Ярославле на Волжской набережной в 1859 году установлен памятник Некрасову (скульптор Г. Мотовилов). В селе Карáбиха находится одна из самых крупных усадеб Ярославской губернии – здесь поэт жил и работал многие годы, и теперь это государственный литературно-мемориальный музей-заповедник, где ежегодно проводятся Некрасовские праздники жизни. В 1971 году произведения, написанные в Карабихе, были изданы отдельным сборником. Кроме того, в честь поэта в Ярославской области назван посёлок Некрасово, где когда-то существовало имение его отца.

Информация об авторах | Author information

RU

Демченко Александр Иванович¹, д. иск., проф., главный научный сотрудник и руководитель
Международного центра комплексных художественных исследований

¹ Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

EN

Demchenko Aleksandr Ivanovich¹, Dr

¹ International Center of Complex Artistic Research, Saratov State Conservatory

¹ alexdem43@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.